

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Ивинский Александр Дмитриевич

М.Н. Муравьев и русский литературный процесс 1760–1790 гг.

Автореферат

диссертация на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Специальность 5.9.1. –

Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Москва

2026

Диссертация выполнена в отделе русской классической литературы ФГБУН
Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук

Официальные

оппоненты:

Кулагина Ольга Львовна,
доктор филологических наук, старший научный сотрудник
кафедры литературно-художественной критики и
публицистики факультета журналистики ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»;

Пашкуров Алексей Николаевич,
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры русской литературы и методики ее преподавания
Высшей школы русской филологии и культуры имени
Льва Толстого Института филологии и межкультурной
коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»;

Любжин Алексей Игоревич,
доктор филологических наук, профессор Центра
академического образования АНО ВО «Русский
университет метатехнологий»

Ведущая организация

ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный
университет»

Защита состоится «24» сентября 2026 г. в 15.00 на заседании диссертационного
совета Д 24.1.080.03 на базе ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук по адресу: г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, конференц-
зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН: www.imli.ru.

Автореферат разослан «____» июня 2026 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета _____ А.Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Михаил Никитич Муравьев (1757–1807) – один из крупнейших русских писателей последней трети XVIII в. Поэт, прозаик-экспериментатор, драматург, переводчик как древних, так и новых авторов, историк, педагог, он был знаком едва ли не со всеми ключевыми писателями своего времени: Екатериной II, М.М. Херасковым, В.И. Майковым, Д.И. Фонвизиным, Г.Р. Державиным, Н.А. Львовым, В.В. Капнистом, И.И. Хемницером, В.П. Петровым, Я.Б. Княжниным, Н.И. Новиковым, Н.М. Карамзиным, Д.И. Хвостовым и мн. др. В мир большой литературы он вошел фактически подростком, оставаясь значимой и заметной фигурой на «российском Парнасе» более 40 лет. Но печатался Муравьев крайне неохотно: он опубликовал только шесть небольших поэтических книг, причем все они вышли в свет в течение двух лет — с 1773 по 1775 гг.¹ Как отметила Л. И. Кулакова, «последний прижизненный сборник стихотворений Муравьева вышел из печати, когда автору было 18 лет»². Хотя позднее отдельные тексты он помещал в крупных журналах, например, в ключевом издании эпохи – «Собеседнике любителей российского слова», соотношение напечатанного и оставшегося в рукописях не в пользу первого: неопубликованного на порядок больше, и в рукописях остались сотни его произведений. Кроме того, несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, не введен в научный оборот эпистолярный Муравьева. По этим причинам научная биография писателя пока не могла быть написана, она полна лакун, которые заполняются очень медленно. Главная проблема на современном этапе изучения литературного наследия Муравьева состоит, с нашей точки зрения, не только и не столько в том, как сформировать новые

¹ Муравьев М.Н. Басни. Книга 1. СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1773; Муравьев М.Н. Военная песнь. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1774; Муравьев М.Н. Ода ее императорскому величеству государыне Екатерине II, императрице всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою. СПб.: [Печ. при Имп. Моск. ун-те], 1774; Муравьев М.Н. Оды. СПб.: [б.и.], 1775; Муравьев М.Н. Переводные стихотворения. СПб.: Имп. Акад. наук, 1773; Муравьев М.Н. Петрония Арбитра «Гражданская брань». СПб.: [Тип. Акад. наук], 1774.

² Кулакова Л.И. Поэзия М.Н. Муравьева // М.Н. Муравьев. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1967. С. 319.

интерпретационные модели и осмыслить его творческое наследие, сколько в пополнении фактической базы, в первую очередь за счет текстов самого писателя, и на этой основе осуществить постепенное, сложное, но необходимое описание всей системы его литературных интересов в их становлении и развитии и связать ее с еще более широким и сложным пространством литературной жизни его эпохи.

Настоящее исследование посвящено решению этих задач на основе рассмотрения личности и творчества Муравьева в контексте культурной и, в особенности, литературной политики Екатерины II, обусловившей специфику литературного процесса последней трети XVIII века. В центре внимания – Муравьев-писатель, поэт, переводчик, драматург и участник интеллектуальных процессов, связанных с ключевыми институтами эпохи (университетская и академическая среда, литературные общества, переводческие инициативы, реформирование театра, идеологические дискурсы) и с частной, прежде всего семейной, жизнью, родственными и дружескими связями.

Структура и проблематика диссертации охватывают ряд взаимосвязанных направлений: участие Муравьева в журнальном и литературном полях 1770–1780-х гг.; переводческую деятельность в связи с государственными культурными инициативами; вклад в развитие и преобразование русской драматургии; разработку историко-идеологических нарративов («русская идея»); осмысление лингвистических сюжетов как идеологического ресурса эпохи.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью уточнения представлений о культурной политике Екатерины II как системе институтов и практик, в которой литературный текст функционирует как средство культурного посредничества, нормирования и идеологического конструирования. Фигура М.Н. Муравьева в данном контексте позволяет реконструировать культурную «инфраструктуру» эпохи: каналы протекции, академические и литературные сети, практики перевода и театральной

реформы, а также траектории карьерной и интеллектуальной социализации автора.

Новизна работы заключается в том, что впервые творческая биография и наследие Муравьева исследуются в их соотнесенности с культурным проектом Екатерины II на основе изучения и систематизации источникового материала; в научный оборот вводится обширный корпус рукописных текстов из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Отдела Письменных источников Государственного исторического музея, Государственного литературного музея, Рукописного отдела Института русской литературы РАН, Государственного архива РФ, Российского государственного архива литературы и искусств, в т. ч.: около пятисот писем М.Н. Муравьева к родным – Н.А. Муравьеву, Ф.Н. Луниной (Муравьевой), М.А. Муравьеву, С.М. Лунину, Е.Ф. Муравьевой, тринадцать к Д.И. Хвостову и два Ф.Н. Луниной к Н.А. и М.Н. Муравьевым; одно из первых завершенных произведений писателя – «Жизнь Эрнеста, по прозванию Благочестиваго, герцога Саксонского»; две оды, которые должны были быть частью сборника Муравьева «Новые лирические сочинения»; сорок стихотворений из рукописной «Записной книги» поэта, в т.ч. неизвестная ранее «редакция» сказки «Живописец» и около ста переводов из древних и новых авторов, в т.ч. из «Федры» Ж. Расина; впервые публикуются трагедия Муравьева «Дидона» и комедия «Выигранная тяжба».

Цель исследования – проанализировать с опорой на вводимые в научный оборот эпистолярные и литературные тексты роль Муравьева в историко-литературном процессе 1770–1790 гг.

Из заявленной цели проистекают следующие **задачи**:

1) дополнить и описать корпус источников и определить их информативность для реконструкции культурных практик последней трети XVIII века;

2) описать формы и основные эпизоды участия Муравьева в литературной жизни 1770–1790-х гг. и реконструировать сеть его социальных и литературных контактов;

3) проанализировать переводческую деятельность Муравьева в связи с инициативами Екатерины II по институционализации перевода и формированию культурного канона;

4) рассмотреть вклад Муравьева в реформирование театра: переводы драматических текстов, взаимодействия с драматургами и практики адаптации («переложение на наши нравы»);

5) выявить функции исторических и лингвистических сюжетов в деятельности Муравьева, направленной на идеологическое конструирование «русской идеи»;

6) описать цели и механизмы взаимодействия Муравьева – писателя, идеолога и чиновника с культурной политикой Екатерины II.

Предмет исследования – деятельность М. Н. Муравьева в указанных сферах: его оригинальные и переводные тексты, эпистолярный, формы участия в институциональных инициативах, а также коммуникационные и протекционные сети.

Объект исследования – культурная политика Екатерины II и связанные с ней практики литературного производства, перевода, театральной реформы, историко-идеологического и языковедческого дискурса второй половины XVIII века. **Материалом** исследования стали тексты Муравьева (лирические стихотворения, драматургия, переводы, исторические очерки, письма и др.) и его современников, архивные материалы, составившие основу **источниковой базы** исследования и находящиеся на хранении в крупнейших государственных архивных собраниях Москвы и Санкт-Петербурга.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при написании академической биографии Муравьева, при подготовке научных изданий его сочинений и переводов и

эпистолярная, а также в учебных курсах по истории русской литературы XVIII века.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении моделей описания екатерининской культуры как системы институтов и практик, в которых литературный текст выполняет функции культурного управления и идеологического конструирования.

Степень изученности материала. Значение Муравьева в истории русской культуры поняли очень рано. Не случайно К.Н. Батюшков, Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский подготовили его трехтомное Полное собрание сочинений³, которое, впрочем, было далеко от полноты и представляло собой результат своеобразного отбора, которое красноречиво свидетельствовало не столько об интересах Муравьева, сколько об эстетических представлениях карамзинистов⁴. Тем не менее это издание во многом предопределило на десятилетия вперед направления изучения творческого наследия Муравьева. Не решало академических задач и издание Сочинений поэта, вышедшее в типографии А. Смирдина в 1847 (2-е изд. – 1856). Важным событием в изучении поэзии Муравьева стала подборка его стихов во втором томе «Поэтов XVIII в.»⁵. Но настоящий прорыв случился благодаря усилиям Л.И. Кулаковой, блестящего знатока муравьевских текстов: она подготовила к печати в томе «Библиотеки поэта» сотни стихотворений Муравьева и написала яркую вступительную статью, которая до сих пор не утратила своей актуальности⁶.

Биография Муравьева реконструировалась по крупицам в течение десятилетий: первые некрологи, а также очерки жизни и творчества и воспоминания⁷ напомнили о Муравьеве если не «широкому читателю», то

³ Муравьев М.Н. Полн. собр. соч. СПб.: Тип. Российской академии, 1819–1820. Ч. 1–3.

⁴ Так, например, в нем практически отсутствовала его лирика; о работе великих поэтов над этим проектом см.: Левин В.Д. Карамзин, Батюшков, Жуковский – редакторы сочинений М.Н. Муравьева // Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию академика В.В. Виноградова. М.: Наука, 1965. С. 182–191.

⁵ Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1958. Т. 2. С. 421–466.

⁶ Муравьев М.Н. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967.

⁷ Дмитриевский М. На кончину М. Н. Муравьева // Весенний цветок, 1807, № 3. С. 54–59; Кошанский Н.Ф. На кончину Михаила Никитича Муравьева // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXV. № 19. С. 189–196; [Батюшков

немногим знатокам истории русской литературы. Помимо этого в печати начали появляться некоторые письма Муравьева⁸. Первые результаты источниковедческих, библиографических, биографических разысканий были изложены в статьях М.Н. Лонгинова, М.И. Сухомлинова, В.И. Саитова и Л.Н. Майкова⁹. Значимый опыт обобщения накопленного материала – статья Е.В. Петухова¹⁰. Наиболее информативная, с нашей точки зрения, биография Муравьева была написана Н.П. Жинкиным, собравшим и проанализировавшим огромный материал, который до сих пор используют исследователи¹¹.

«Советского» Муравьева во многом создал Г.А. Гуковский, который считал Муравьева предшественником русского сентиментализма¹²; об этой концепции мы неоднократно будем говорить в дальнейшем. Исключительно содержательные и сохраняющие свою актуальность труды о Муравьеве были созданы Л.И. Кулаковой¹³.

В 1970-1990 гг. Муравьевым занимались ученые, чьи труды давно стали классикой «муравьевоведения». Отметим, в первую очередь, работы Р.М. Лазарчук, И.Ю. Фоменко и В.А. Западова. Так, Лазарчук посвятила Муравьеву и его современникам две диссертации и целый ряд ярких статей, она исследовала его эпистолярный, круг знакомств и переводческую

К. Н.] Письмо к И. М. М. А. [И. М. Муравьеву-Апостолу] о сочинениях г. Муравьева, изданных по его кончине // Сын отечества. 1814. № 35. С. 87–116; Б...ский И. Биография М. Н. Муравьева // Галатея. 1830. № 13. С. 49–70; Н. Р. [Рахманов Н. Р.] Письмо к Е. Ф. Муравьевой // Москвитянин. 1855. № 7. С. 168–170.; Шевырев С. П. М. Н. Муравьев, попечитель университета // Шевырев С. П. История имп. Московского университета. М., 1855. С. 321–384.

⁸ Письма к М. Н. Муравьеву. 1805-1807 // Чт. в Об-ве истории и древн. рос., 1861, кн. 3, отд. V, с. 22–77.

⁹ Лонгинов М. Н. А. В. Олешев // Русская старина, 1870, № 5, с. 463–465; Сухомлинов М.И. М.Н. Муравьев // Сухомлинов М.И. История Российской академии, т. IV. СПб., 1878. С. 166–167, 218; т. VII. СПб., 1885. С. 262–267; В. С. [Сайтов В. И.] М.Н. Муравьев // Батюшков К. П. Сочинения, т. II. СПб., 1885. С. 417–423; Майков Л.Н. В.И. Майков // Майков Л.Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, с. 279–282.

¹⁰ Петухов Е. В. М. П. Муравьев. Очерк его жизни и деятельности // Журнал Министерства народного просвещения, 1894, № 8, с. 265–296.

¹¹ Жинкин Н. П. М.Н. Муравьев (по поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1913. Т. XVIII. Кн. 1. С. 1–80.

¹² Гуковский Г. А. Очерки русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л.: Художественная литература, 1938. С. 252–298.

¹³ Кулакова Л.И. М.Н. Муравьев // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. 1939. Вып. 4. С. 4–42; Кулакова Л.И. Муравьев // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. Л., 1947; Кулакова Л. И. Поэзия М.Н. Муравьева // М.Н. Муравьев. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1967. С. 5–52.

практику¹⁴. И.Ю. Фоменко защитила диссертацию и написала серию работ о Муравьеве, проанализировав его прозу, исторические взгляды, круг чтения и мн. др.¹⁵. В.А. Западов продолжил труд своей матери Л.И. Кулаковой и написал несколько значимых статей о жизни и творчестве Муравьева¹⁶.

В 1990-2020 гг. значительный вклад в изучение муравьевского наследия внесли Лаура Росси, А.Н. Пашкуров и К.Ю. Лаппо-Данилевский. Каждый из этих исследователей вводил в научный оборот новые документы и тексты, а также предлагал новые интерпретации уже известных произведений. Так, отметим статьи Л. Росси, без которых современное изучение Муравьева невозможно¹⁷. А.Н. Пашкуров защитил две диссертации

¹⁴ Лазарчук Р.М. М.Н. Муравьев-критик (по материалам переписки поэта) // Русская и зарубежная литература. Алма-Ата, 1971. Вып. 2. С. 3–8; Лазарчук Р.М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Диссертация...на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1972; Лазарчук Р.М. Письма Г.П.Каменева и их историко-литературное значение // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Л., 1976. Вып. 2. С. 74–84; Лазарчук Р.М. Русские писатели XVIII в. и Вологодский край // Вторая научно-практическая конференция. Проблемы и задачи краеведческой и природоохранительной работы в учебных заведениях Вологодской обл. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 1982. С. 15; Лазарчук Р.М. Из истории провинциального театра (театральная жизнь Вологды 1780-х гг.) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. XVIII век. Сб. 15. С. 52–69; Лазарчук Р.М. О соотношении жанрового мышления и лирического начала в лирике М.Н.Муравьева // Проблема автора в художественной литературе. Тезисы докладов региональной межвузовской конференции. Ижевск, 1990. С. 49–50; Лазарчук Р.М. Ханьков В.В. (опыт реконструкции биографии и творчества) // Тезисы докладов XXX научной конференции. Череповец, 1992. С. 69–70; Лазарчук Р.М. Стихотворение М.Н. Муравьева «Богине Невы» и письма поэте (роль биографических реалий в интерпретации текста) // Кормановские чтения. Ижевск, 1994. Вып. 1. С. 37–42; Лазарчук Р.М. «...С латинского языка переведены в Вологде» (Кто был первым переводчиком «Георгик» Вергилия?) // Послужить Северу...: Историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда, 1995. С. 99–107; Лазарчук Р.М. М.Н. Муравьев и Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 149–180; Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов. Из архивных разысканий. Вологда, 1999; Лазарчук Р.М., Левин Ю.Д. «Гамлетов монолог» в переводе М.Н. Муравьева // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 278–290; Лазарчук Р.М. Литературная культура последней трети XVIII века (Диалог столицы и провинции). Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2000.

¹⁵ Фоменко И.Ю. Исторические взгляды М.Н. Муравьева // XVIII век. Л.: Наука, 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе (конец XVIII – начало XIX в.). С. 132–161; Фоменко И.Ю. Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // Русская литература. 1981. № 1. С. 116–130; Фоменко И.Ю. Проза М.Н. Муравьева. Из истории русской прозы последней трети XVIII века: автореферат диссертации ... канд. филол. наук. Л., 1983. 23 с.; Фоменко И.Ю. М.Н. Муравьев и проблемы индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 52–70; Фоменко И.Ю. М.Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770 – нач. 1780-х гг. // Рукописи. Редкие издания. Архивы: из фондов Отдела редких книг и рукописей. М.: Археографический центр, 1997. Вып. 6. С. 102–126; Фоменко И.Ю. М.Н. Муравьев и стилистика докарамзинской историографии // Чтения по истории и культуре древней и новой России: материалы конференции (Ярославль, 7–9 окт. 1998 г.). Ярославль: Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, 1998. С. 162–165.

¹⁶ Западов В. А. Державин и Муравьев // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1966. Сб. 7. С. 245–253; Западов В.А. Михаил Никитич Муравьев // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 305–313.

¹⁷ Росси Л. К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века // Slavica Tergestina. Trieste: Lint, 1994. № 2. С. 91–115; Росси Л. Сентиментальная проза М.Н. Муравьева (Новые материалы) // XVIII век. СПб.: Наука, 1995. Сб. 19. С. 114–146; Росси Л. Что такое «перепутаж?» (Державин, Муравьев и одна литературная легенда) // Новое литературное обозрение.

и опубликовал ряд книг и статей о Муравьеве и русской литературе XVIII в.¹⁸ Кроме того, А.Н. Пашкурову и его коллегам принадлежит важнейшее достижение, которое вывело изучение Муравьева на новый уровень, – организация регулярных конференций в Казанском университете, посвященных Муравьеву, по результатам которых уже много лет выходит сборник «Михаил Муравьев и его время». К.Ю. Лаппо-Данилевский написал несколько важных работ о Муравьеве, об эпистолярной культуре его времени¹⁹. Опыт осмысления жизни и творчества Муравьева в рамках своей концепции «импорта эмоций» относительно недавно предпринял А.Л. Зорин²⁰.

1997. № 27. С. 284–286; Rossi L. De F.N. Muravyeva à Théone: Réalité et mythe littéraire dans le sentimentalisme russe // *Revue des études slaves*, vol. 74, №4, pp. 777–792; Росси Л. М.Н. Муравьев и Н.А. Львов в 1770-е гг.: К характеристике кружковых объединений в последней четверти XVIII века // *Гений вкуса*. Н.А. Львов. Материалы и исследования. Тверь, 2003. Сб. 3. С. 287–298; Росси Л. «Вергилий» Муравьева: к проблеме Гуманизма в России // *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. 2005. № 33. С. 73–79; Росси Л. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и традиция французского Просвещения // *Михаил Муравьев и его время*. К., 2015. С. 9–14; Росси Л. Н.М. Карамзин и Н.М. Муравьев // *Карамзин-писатель*. СПб., 2018. С. 213–227 и др.

¹⁸ Пашкуров А.Н. Жанровые особенности поэзии М.Н. Муравьева: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 1997; Пашкуров А.Н. Драматургия М.Н. Муравьева как система // *Михаил Муравьев и его время*. Сборник статей и материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Михаил Муравьев и его время. 300-летию М.В. Ломоносова посвящается». Казань, 2011; Пашкуров А.Н. Драматургия М.Н. Муравьева: «Пятилогия» о добродетели // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века*. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 60-летию профессора Олега Михайловича Буранка и 30-летию его научной деятельности. СПб, 2011. С. 193–206; Пашкуров А.Н. Пьеса М.Н. Муравьева «Доброй барин» в контексте комической оперы своего времени, или вернется ли добрый барин?.. // *Вестник Московского Государственного областного университета*. Серия: Русская филология. М., 2012. №4. С. 40–44; Пашкуров А.Н. Миф М.Н. Муравьева в русской литературной культуре: истоки // *Михаил Муравьев и его время*. Сборник статей и материалов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции «Михаил Муравьев и его время. 300-летию М.В. Ломоносова посвящается». Казань, 2013. С. 61–71; Пашкуров А.Н. Муравьев возрожденный: исследовательская интерпретация Г.А. Гуковского // *Михаил Муравьев и его время*. Сборник статей и материалов Пятой Всероссийской научно-практической конференции «Михаил Муравьев и его время. 300-летию М.В. Ломоносова посвящается». Казань, 2015. С. 23–28; Пашкуров А.Н. Идея наставничества в "Мыслях, замечаниях, отрывках" М.Н. Муравьева // *Михаил Муравьев и его время*. Сборник статей и материалов Восьмой Всероссийской научно-практической конференции «Михаил Муравьев и его время. 300-летию М.В. Ломоносова посвящается». Казань, 2023. С. 33–38; в особенности см. две монографии: Пашкуров А.Н., Мясников О.В. М.Н. Муравьев: вопросы поэтики, мировоззрения и творчества. 2003; Пашкуров А.Н. Муравьев и литературная культура: диалог восприятий. Казань, 2019.

¹⁹ Лаппо-Данилевский К.Ю. [Совместно с Е. Б. Мозговой] Идеи И. И. Винкельмана и петербургская Академия художеств в XVIII столетии // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 155–179; Отрывки об искусствах М.Н. Муравьева // Там же. С. 347–357; Лаппо-Данилевский К.Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27. С. 121–153; Лаппо-Данилевский К.Ю. Львовско-державинский литературный кружок (участники, хронология) // XVIII век. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2024. Сб. 31. С. 228–264.

²⁰ Зорин А.Л. «Появление героя»: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Особое место в исследовании творческого наследия Муравьева заняли труды В.Н. Топорова: по обилию нового материала они пока не знают себе равных²¹.

Труды М.В. Ленчиненко и А.И. Любжина открыли новое направление в изучении Муравьева – исследование его библиотеки, в первую очередь сочинений античных авторов, на полях которых сохранились многочисленные пометы поэта²².

Методологическая основа диссертации. В работе применяются историко-литературный и историко-биографический методы, источниковедческий и текстологический анализ, элементы социокультурного и институционального подходов, приемы реконструкции интеллектуальных сетей. В диссертации мы опирались на классические труды по истории русской литературы Я.К. Грота, М.И. Сухомлинова, В.И. Саитова, Я.Л. Барскова, Л.И. Кулаковой, В.Н. Топорова.

Положения, выносимые на защиту

1. Муравьев имел прямое отношение к реализации культурного проекта Екатерины II, представлявшего собой совокупность институциональных механизмов, текстовых практик и идеологических разработок; он оказался включен во все эти контексты и сыграл роль посредника между литературной и культурно-административной сферами.

²¹ Топоров В.Н. Из истории русской литературы Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1–3. М.: Языки русской культуры, 2001–2007.

²² Любжин А.И., Ленчиненко М.В. Издания Гомера в библиотеке М.Н. и Н.М. Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XX (2). Т. 20. СПб.: Наука, 2016. С. 634–644; Ленчиненко М.В., Любжин А. И. Михаил Никитич Муравьев в работе над Тускуланскими беседами Цицерона // Труды Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова. Т. 3. М.: Науч. б-ка МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. С. 162–331; Любжин А.И., Ленчиненко М.В. Издания древнегреческих историков в семейной библиотеке Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XXIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. Т. 2. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 705–727; Ленчиненко М. В. М.Н. Муравьев: от самообразования к просвещению. Маргиналии на книгах личной библиотеки // Вольтеровские чтения. Сборник научных трудов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2019. Т. 5. С. 203–234; Ленчиненко М. В., Любжин А. И. Под сенью крыл мантианского лебедя: М.Н. Муравьев — читатель Вергилия // Екатерина II и русская литература. М.: ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2024. С. 151–171; Беликов А. Е., Ленчиненко М. В., Любжин А. И. М. Н. Муравьев — читатель Энеиды // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. Т. 28, № 1. С. 92–114; Беликов А.Е., Ленчиненко М.В., Любжин А. И. М. Н. Муравьев — читатель Энеиды (продолжение) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. Т. 29, № 2. С. 688–699.

2. Эпистолярный Муравьева, изученный в его доступной нам полноте, является ключевым источником, позволяющим реконструировать его социальное поле и проследить формирование устойчивых сетей контактов в их реальной сложности и постоянном взаимодействии (семья, служба, академическая среда, литературные круги).

3. Важнейший источник текстов лирических стихотворений Муравьева – его «Записная книга», которая хранится в ОР РГБ и содержит десятки не печатавшихся произведений и их редакций, раскрывающих творческие принципы Муравьева-поэта, его поэтику и характер литературного мышления.

4. В середине 1770-х гг. Муравьев, опередив Державина с его «Фелицей», предпринял попытку реформирования русской оды, опираясь на те принципы, которые были сформулированы в журналистике 1760–1770 гг., отразившей литературную политику Екатерины II.

5. Переводы Муравьева из древних и новых авторов были не только частью его личной литературной стратегии, но и отражением идеологии абсолютистского просвещения в его европейской и российской версиях.

6. Литературная позиция Муравьева может быть реконструирована в результате системного исследования не только оригинальных, но и переводных текстов: они образуют единое интеллектуальное, идеологическое, культурное пространство, оформляя целостное мировоззрение и литературную позицию; так, переводы из Н. Буало стали основным контекстом экспериментов поэта в одическом жанре.

7. Литературную позицию Муравьева нельзя свести исключительно и только к «сентименталистской» тенденции: как оригинальное творчество, так и переводческие практики свидетельствуют прежде всего о его «классицизме», в пределах которого постепенно оформлялись тенденции, устремленные в будущее – к «предромантизму» и «сентиментализму».

8. Драматургия Муравьева, как свидетельствуют найденные нами полные тексты трагедии «Дидона» и комедии «Выигранная тяжба», связана с

реформаторскими практиками второй половины XVIII века и отражает его понимание идеи «национального театра», подразумевавшей постоянное взаимодействие с европейским.

9. Занятия историей и языкознанием, при всей их специфичности, связаны с официальной идеологией екатерининской эпохи и представляют собой важные аспекты конструирования ее ценностных и политико-культурных координат.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на 60 российских и зарубежных международных научных конференциях, в том числе в Литературный процесс в России XVIII–XIX веков. Светская и духовная словесность (ИМЛИ РАН, 2020, 2022), III Международная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.» (К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря и 350-летию со дня рождения Императора Петра Великого (ИМЛИ РАН, 2021), XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохе (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021), «Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте. Скрещение взглядов» (ИМЛИ РАН, 2020), *Il testo en abyme. Rappresentazioni della scrittura nell'Europa romantica* (Università degli Studi di Verona, 2020), Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв. (ИМЛИ РАН, 2020), Международная научная конференция «А.С. Пушкин и русская литература», приуроченная к 220-летию со дня рождения поэта (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019), *A short history of epistolary emotions in Russia* (Paris, Sorbonne Université, 2019), X International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia (Strasbourg, 2018), Сумароков и русская литература (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017), Вольтеровские чтения 2017. Пути Просвещения: личные библиотеки XVIII – начала XIX в. и их владельцы (РНБ, 2017), Международная научная конференция «Болдинские чтения»

(Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2017), Карамзин и его эпоха (Институт Российской истории РАН, 2017), Державин в истории русской литературы (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017), Mikołaj Karamzin i jego czasy. Międzynarodowa Konferencja Naukowa (Uniwersytet Warszawski Instytut Rusycystyki, 2016), Международные Дашковские чтения (2013-2014, 2016, 2018), Историческая русистика в XXI в. (Центр русистики Университета им. Лоранда Этвеша, Будапешт, 2015) и др.

Исследования, отраженные в диссертации, были поддержаны Российским научным фондом (проекты «Писатели и власть во второй половине XVIII века: конструирование политического языка эпохи» (2023–2024); руководитель; «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода» (2024–2026); исполнитель; «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» (2024–2026); исполнитель). По теме диссертации издана монография (Ивинский А.Д. Русская литература XVIII в. и культурный проект Екатерины II. М., Водолей, 2023. 400 с.) и 54 статьи в коллективных трудах и научных журналах, из которых 22 входят в список изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.9.1.

– «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» в пунктах 2 (История русской литературы XVIII века), 10 (Биография и творческий путь писателя), 11 (Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве), 12 (Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии), 14 (Взаимодействие творческих индивидуальностей, деятельность литературных объединений, кружков, салонов и т. п.), 15 (Взаимообусловленность различных видов литературного творчества: письма, дневники, записные книжки, записи устных рассказов и

т. п.), 19 (Литература и политика), 20 (Литература и социология. Институциональные аспекты литературного процесса).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, пяти глав, каждая из которых включает несколько параграфов, Заключение, списка использованной литературы и девяти приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначены цели и задачи исследования, охарактеризованы его предмет, объект и материал, теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, осуществлен обзор основных исследований, связанных с изучением наследия Муравьева, его литературных и социальных стратегий, приведены сведения об апробации полученных результатов и публикациях по теме исследования.

Авторские стратегии Муравьева рассматриваются в диссертации в широком контексте культурной политики Екатерины II, считавшей, что залог эффективности государственного управления – поддержка со стороны актуальной элиты, которую нужно было лишить возможности лавировать между интересами монарха и дворянства, а значит пересоздать. Речь идет не о банальном фаворитизме, напротив, появление на авансцене Орловых или Потемкина – лишь частное проявление общего процесса: императрица перестроила Двор как поле взаимодействия различных элитных групп и предложила новые правила игры – общедворянскую идеологию, этику и эстетику, которые опирались на европейские, прежде всего французские, образцы, но к ним не сводились.

Уникальная особенность литературной политики Екатерины II заключается в том, что она сама была ярким и заметным автором, создала множество произведений в очень разных жанрах – от журнальных статей до комедий и трагедий. Этими текстами императрица задавала идеологическую рамку, формировала систему политических сигналов, которые должны были

расшифровать как другие писатели, так и читатели при дворе. Уже в 1760–1770-х гг. Екатерина II поставила само существование абсолютистского проекта в зависимость от успеха конструирования национальной идентичности. Оно опиралось на изучение и продвижение своих истории, культуры, литературы и языка. Эти идеи должны были не столько легитимировать ее власть, сколько сделать ее прочнее и устойчивее, так как благодаря им императрица предлагала новые принципы монархического правления. Во многом это был глубоко новаторский проект, который мог рассматриваться в широком контексте национальной адаптации западного модерна. Отдавая себе отчет в том, что конструирование нового образа русского аристократа возможно только с опорой на богатый европейский опыт, императрица выдвинула свои журнальные проекты – «Всякую всячину» и позднее «Собеседник любителей российского слова» – как опыт своеобразного культурного трансфера философии *savoir vivre* и образа европейского аристократа на русскую почву. В этом контексте ключевое значение приобретают ее многочисленные труды исторического и филологического характера, в первую очередь «Записки касательно российской истории» и «Всеобщий словарь всех языков».

Главное достижение литературной политики Екатерины II – это создание пространства литературной жизни, которое выглядело как сложная сеть неформальных связей между высшей властью и элитой, где поэтам отводилась роль своего рода «посредников», «группы поддержки» политического и культурного проекта императрицы, в союзе с ней разрабатывающей новый культурный язык, необходимый для его реализации. В 1760-1790 гг. на первый план выдвинулись «посредники», «медиаторы», которыми стали талантливейшие писатели эпохи: М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, Н.И. Новиков, В.П. Петров, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, Е.Р. Дашкова, Н.М. Карамзин. Одним из них стал и Муравьев.

Система, созданная Екатериной II, была далека от ригидности, допускала разный уровень «допуска»: некоторые из этих писателей так и не узнали, что их труды вошли в новый идеологический «пантеон» (Ломоносов и особенно Тредиаковский, который, вопреки устоявшимся представлениям, рассматривался Екатериной II как крупнейший мыслитель и писатель, его труды она внимательно изучала и учитывала в собственных построениях), другие сравнительно быстро потеряли актуальность (Петров), третьи были выдвинуты в центр (кто-то на время, как Новиков или Фонвизин, а кто-то навсегда, как Дашкова или Державин), четвертые стали «проводниками» проекта в новую эпоху, как Муравьев или Карамзин.

Самые значительные сочинения Муравьева создавались в «рамке» этого проекта. Его остроумная попытка реформировать торжественную оду – это во многом следование тем принципам, которые были сформулированы во «Всякой всячине»; Муравьев во многом опередил державинскую литературную революцию, которую тот совершил своей «Фелицей».

Многие годы Муравьев искал ответ на вопрос о природе власти и роли просвещенного монарха в истории (от раннего перевода «Эрнеста» и оригинальной «Дидоны» до поздних исторических трудов). Переводческая «мания» не только факт его биографии, но и следствие тех больших институциональных процессов, которые запустила Екатерина II, в т.ч. деятельности «Собрания старающегося о переводе иностранных книг».

Литературная позиция Муравьева была исключительно сложной. Ее становление происходило в ситуации конкуренции культурных моделей. С одной стороны, сохранялся нормативный статус высокой риторической культуры (торжественная ода, поэма, трагедия), с другой — росло значение «разговора», светской беседы и частной коммуникации, в пределах которой возникла новая публичность: репутация создавалась через сеть знакомств, отзывов и рекомендаций, круг чтения и эпистолярные практики получили свое значение, и оно постепенно возрастало. Муравьев стремился к полноте освоения европейской и русской литературной традиции, а не к

избирательности, к примирению, там, где это возможно, или даже к избеганию крайностей, а не к борьбе, к новаторству, но не к демонстративному и страстному, а к последовательному, спокойному, чуждому «наружного шума». Муравьев – внимательный и доброжелательный читатель, готовый восхищаться красотами чужих произведений, но при этом умевший сохранить собственное лицо и никогда не подчинявшийся собственным исканиям чужим программам и мнениям. Он прежде всего «классик», но открытый экспериментам и способный заглядывать в будущее, блестящий знаток ломоносовской одической техники и несомненный поклонник Ломоносова, но при этом способный выходить за пределы его системы, осуществляя как «игровую», так и «серьезную» (одно не исключало другого) переработку классической одической поэтики. Выдающийся знаток Горация, Овидия, Вергилия, он был открыт влиянию Вольтера, но не подражал ему, а учитывал его произведения, создавая собственные, не сводимые к вольтеровским слогу и даже тематике.

Первая глава «Муравьев и русская литература екатерининской эпохи» посвящена реконструкции литературной позиции М.Н. Муравьева в 1770-1790-е гг. и анализу того, как внутри екатерининской публичной сферы формировались репутации, стратегии самопрезентации и модели литературного поведения. Муравьев рассматривается не только как автор текстов, но и как участник коммуникационных и институциональных практик – придворной службы, академических и университетских кругов, журналистики, дружеской переписки и рукописного литературного быта.

В *первом параграфе* анализируются письма Муравьева к родным. Эпистолярный представлен как многослойный документ культурной истории. Во-первых, он фиксирует круг чтения, практики обсуждения текстов, маршруты культурной социализации (лекции, визиты, чтения в домах литераторов), а также технологии формирования репутации (рекомендации, посредничество, «выходы» на влиятельных людей). Во-вторых, письма позволяют реконструировать динамику семейного и «кланового» капитала:

многочисленные родственники и свойственники образуют сеть, через которую молодой Муравьев получает доступ к столичным институтам. В-третьих, в письмах фиксируются жанровые стратегии самого автора: переключение между деловым стилем (к отцу и «серьезным» адресатам) и игровым, разговорным письмом (к сестре), что позволяет видеть «двойную» публичность эпохи — официальную и частную. При этом очень часто границы «серьезного» и «легкомысленного», «высокого» и «низкого» сознательно обыгрывались – Муравьев называл такую технику «галиматьей», апеллируя, очевидно, к Вольтеру. Мы показываем, что она была общей для муравьевского дружеского круга, в первую очередь для В.В. Ханыкова, письма которого к поэту используются для анализа. При этом «галиматья» связывается с арзамасским и предарзамасским контекстами, которые опирались на богатую, сложную и лишь в небольшой степени изученную культуру «домашнего» и «кружкового» острословия, в пределах которого литературная проблематика оказывалась неотделима от «быта», а «легкий» и «забавный» слог выступал в функции языковой реальности, параллельной книжной, оттеняющий ее автономность и одновременно намечающий возможности ее сближения со стихией разговорной речи образованного дворянства. В-четвертых, письма дают материал для объяснения карьерной траектории Муравьева: от гвардейской службы и ранних литературных амбиций — к роли воспитателя наследника престола и фигуре, влияющей на культурные решения в конце века. «Домашняя» переписка Муравьева воссоздает историю его взаимодействия со всеми этими контекстами и при этом позволяет различить множество лиц, в той или иной степени влиявших на его жизнь. Это представители клана Муравьевых, помимо отца Н.А., сестры Ф.Н. и ее мужа С.М. Лунина, это в первую очередь Захар Матвеевич, Александр и Николай Федоровичи Муравьевы, Иван Матвеевич Муравьев мл. (Апостол), дядюшки Матвей Артамонович ст. и Матвей Артамонович мл.; из дальних родственников – тесть Муравьева Ф.М. Колокольников, приятель Державина, и др. Дружеский круг: в особенности В.В. Ханыков, и

Н.Р. Рожешников. Литературные, театральные и ученые круги: В.Е. Адодуров, П.А. Алексеев, С.И. Антонов, М.И. Афонин, А.А. Барсов, И.Ф. Богданович, А.А. Волков, Г.Р. Державин, С.Е. Десницкий, И.А. Дмитриевский, С.Г. Домашнев, В.В. Капнист, Н.М. Карамзин, Я.Б. Княжнин, В.И. Майков, Н.А. Львов, Н.П. Николев, Н.И. Новиков, В.П. Петров, М.И. Попов, Д.И. Фонвизин, М.М. Херасков и П.М. Херасков, Д.И. Хвостов, Х.А. Чеботарев. Служебный и придворный круг, отчасти пересекавшийся с литературным: великие князья Александр и Константин Павловичи, Я.И. Булгаков, И.И. Мелиссино, Л.А. Нарышкин, Я.Е. Сиверс, М.Ф. Соймонов, И.Г. Чернышев и мн. др. Также подробно реконструирована история вступления Муравьева в Вольное российское собрание. В публикуемых в Приложениях 1-3 письмах (около 500) раскрывается его среда, интересы, историю формирования литературных, общественных, отчасти придворных связей и в этом смысле могут рассматриваться как основа для его научной биографии.

Во *втором параграфе* рассмотрено восприятие Муравьевым одического жанра, его отношение к реформе торжественной оды и его сборник «Новые лирические опыты». Здесь показано, что этот сборник строился как опыт иронического (но не дискредитирующего) переосмысления русской одической традиции, пародийное переосмысление возможностей жанра, в основе которых лежат литературная игра и стилизация, тяготеющие к широко понимаемой культуре светского острословия. Каждая ода была посвящена какому-то поэту, «классику» или современнику; он мог быть упомянут в заглавии или указан в тексте, а мог остаться неназванным, но в этом случае обыгрывались легко узнаваемые приемы его стиля и особенности образности; делалось это вполне прямолинейно и даже нарочито – настолько, что минимально подготовленный читатель не мог не узнать адресата такой игры. Первая ода была посвящена В.И. Майкову, вторая затрагивала Ломоносова, третья (ранее не печатавшаяся) – В.П. Петрова, четвертая – М.М. Хераскова, пятая

была посвящена И.И. Хемницеру, шестая – И.А. Дмитревскому, седьмая (также не публиковавшаяся до сих пор) – Н.А. Львову.

Разрешение кризиса оды, оформившегося к рубежу 1760–1770 гг., обычно связывают с именем Г.Р. Державина, «Фелицу» которого называли «новым типом произведения»²³, «неслыханным новшеством»²⁴, «до неузнаваемости преобразившем жанр»²⁵, а «читатели должны были воспринимать [ее] как обновление поэтического языка»²⁶. Эта точка зрения требует уточнений: изменение статуса оды стало возможным лишь после формирования новой концепции литературного творчества, а в этом контексте «Фелица» Державина предстает не изолированным «неслыханным новшеством», а практической реализацией принципов, широко обсуждавшихся в журналах именно рубежа 1760–1770-х гг. Новая ода возникла на основе новой литературной программы, выработка которой заняла около пятнадцати лет; важнейшую роль в этом сыграли Екатерина II и редакции ее журналов «Всякая всячина» и, много позже и уже подводя итоги, «Собеседник любителей российского слова». Муравьев отреагировал на эти изменения еще в середине 1770-х, понимая все ограничения классической оды, он искал свой путь. Своеобразие этого пути заключалось в том, что он явно симпатизировал Ломоносову и сторонился Сумарокова; этим, по-видимому, нужно объяснить майковский «Сонет к Михаилу Никитичу Муравьеву» и «ответ» Муравьева в «Новых лирических опытах». Обыгрывая в «Новых лирических опытах» приемы известных авторов, Муравьев, вообще говоря, демонстрировал свое литературное мастерство и предъявлял претензию на роль большого поэта, а вместе с тем подчеркивал необходимость обновления жанра за счет отказа от шаблонов, опираясь, как мы пытались показать, на «русские оды» Вольтера. Но до прямой критики он не снисходил, ориентируясь на амплу светского человека, чуждающегося

²³ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 355.

²⁴ Серман И.З. Державин. Л., 1967. С. 56.

²⁵ Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 358.

²⁶ Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С. 304.

педантизма и потому ограничивающегося поэтической шалостью, на первый взгляд не имеющей принципиального значения.

В *третьем параграфе* первой главы обсуждается история текста и проблематика «сказки» «Живописец» (1778), представляющей собой своего рода литературную декларацию программного характера и занимающей одно из ключевых мест в ряду тех произведений Муравьева, которые раскрывают его литературную позицию. Мы вводим в научный оборот новые источники текста, сопоставляем их с уже известной редакцией и приходим к выводу о возможности датировки новых 1775 (ОР РГБ) и 1778 (РО ИРЛИ) г. В результате мы получили возможность, опираясь на три автографа (третий был опубликован Л.И. Кулаковой), реконструировать смысл пьесы. В «Живописце» рассматривается проблема «художник и власть»; модель покровительства обсуждается как благотворная и при этом не противоречащая горацианскому идеалу спокойной жизни на лоне природы. Перед нами не «сатира», как считала Л. И. Кулакова, а программный текст, обосновывающий толерантность к придворной этике. Художник сохраняет память о славе царей, но его место за холстом, а не во властных коридорах. Гармония понимается в соответствии с этой позицией: у каждого в придворном мире своя роль, и нет необходимости выходить за пределы своего социального амплуа, обладающего собственными достоинствами и возможностями.

Четвертый параграф целиком посвящен все еще недостаточно исследованному источнику текстов литературных стихотворений Муравьева – его «Записной книге», сохранившейся в ОР РГБ и в полной мере отражающей его творческую манеру. Основная ее особенность – привычка многократно возвращаться к уже завершенным или только начатым сочинениям, дописывать, переписывать, править и при этом не торопиться их печатать. В результате в рукописях осталась большая часть его произведений; наши разыскания с очевидностью свидетельствуют о необходимости подготовки нового собрания стихотворений Муравьева, в

которое войдут не только неизвестные редакции уже напечатанных текстов, но и множество новых. Важнейший источник последних – эта только что названная «Записная книга», которая содержит десятки только неизвестных произведений поэта, без учета которых заниматься обсуждением общих концепций творческой эволюции Муравьева невозможно. В общей сложности речь идет более чем о 500 текстах, относящихся к раннему периоду литературной деятельности Муравьева (1771–1780), и о позднейшей правке, дающей часто не только варианты, но и новые редакции ранних произведений, причем по большей части не датированные, что усложняет анализ. Обращение к данному источнику позволило нам, в частности, выстроить циклы стихотворений, обращенных к И.П. Тургеневу (к двум ранее известным текстам мы добавили еще два) и к А.М. Брянчанинову (в т.ч. обнаружены два обращенные к нему «сонета»). Как мы полагаем, эта «Книга» должна быть опубликована фототипическим способом: перед нами уникальный опыт поэтического «журнала» или «журналов»: именно так Муравьев называл свои рукописные тетради.

«Записная книга» исключительно сложна для анализа. В ней можно выделить несколько «пластов».

Первый – та часть восьми «журналов», из которых состоит «книга», которая составлялась, согласно пометам автора, с 1771 по 1780 гг. Приведем авторские заголовки: «Забава праздности. Журнал вологодских упражнений. Месяц август 1771 года» (только в нем около 300 стихотворений), «Услаждение скуки. Журнал санктпетербургских упражнений. 1775 год» (более 40 произведений), «Журнал на 1776 год» (около 140 текстов), «Стихотворения с 1779 года в июле в Санктпетербурге» (40 стихотворений), «Mes études...helas! 1780 года», «1780 года. Покушение исправиться», «Упражнения души. Тверь 1780 года в марте», «Les illusions le 1 d. aout. 1780 Tver» (все 4 журнала 1780 г. исключительно небольшие по размеру — от 3 до 6 листов).

Второй – поправки, дописывания, новые тексты, относящиеся к более позднему времени. Насколько можно судить, Муравьев на протяжении 1780–х гг. неоднократно возвращался к этим «журналам», пересматривал и редактировал включенные в них тексты, вероятно обдумывая возможность их издания.

Перед нами важнейший источник данных по истории формирования корпуса ранней лирики Муравьева, дающий возможность разграничить различные редакции и учесть варианты: на полях «журнальных» листов он записывал новые стихотворения, часто наскоро, тут же редактируя их или, напротив, бросая их неоконченными. Так сложилась уникальная форма поэтического журнала, в которой старое переплетено с новым, юношеские опыты с решениями зрелыми, первые пробы пера с работами состоявшегося мастера.

Судя по всему, Муравьева такое соседство разновременных и разнокачественных текстов нисколько не смущало. Возможно, даже напротив: называя свои тетради «журналами», т.е. дневниками, он воспринимал их как принципиально новую и единственно адекватную своей творческой манере форму объединения созданных им произведений в динамическом единстве постоянно пополняемого и поправляемого сборника, форму очень личную, смыкающуюся до неразличения с дневником, фиксирующим творческую биографию. Не исключено, что Муравьев не печатал своих стихов именно потому, что традиционная форма поэтического сборника его принципиально не устраивала, поскольку она не давала ему возможности так же естественно и прочно соединить свою жизнь со своей литературной деятельностью.

Во второй главе **«Муравьев и «Собрание старающееся о переводе иностранных книг» Екатерины II. Переводы в творческой биографии Муравьева»** мы показываем, что переводческая деятельность Муравьева – ключ к пониманию его участия в культурной политике эпохи. Перевод выступает двояко: как эстетическая школа и как институт. Если в

эстетической перспективе перевод позволяет Муравьеву «настроить» собственное письмо на европейские образцы (античность, французская и немецкая поэзия, итальянская традиция), то в институциональной перспективе перевод встраивает автора в государственные и академические инициативы, связанные с производством канона.

«Собрание старающееся о переводе иностранных книг» – одна из важнейших культурных институций екатерининского времени. Чтобы приобщить Россию к западным идеям и формам, нужны были переводы, а работу переводчиков нужно было организовать, а самих литераторов – мотивировать. Так, в октябре 1768 г. Екатерина II назначила «из своих личных средств пять тысяч рублей ежегодно для уплаты вознаграждения переводчикам». При этом непосредственными руководителями проекта она назначила Г.В. Козицкого, В.Г. Орлова и А.П. Шувалова. Если сначала к работе привлекли академических переводчиков, то уже со второго года к переводческой работе подключились десятки литераторов, в том числе Муравьев.

Говоря о результатах деятельности Собрания, В.П. Семенников привел цифры, которые оказались крайне красноречивы: «Всего, таким образом, за все время существования Собрания переводчиков было издано 173 тома переводов; число *же* названий выпущенных сочинений равняется 112. Мы говорим о переводах изданных; но было еще много сочинений, которые, хотя и были переведены Собранием, но частью совсем не появились в печати, частью были изданы уже после 1783 года, когда Собрание переводчиков прекратило свое существование»²⁷.

Выбор переводимых авторов и сюжетов у Муравьева мотивирован не только личным вкусом, но и «идеологической полезностью» материала: идеальный государь, гражданская добродетель, моральный выбор, образец поведения – вот сюжеты, которые его волновали. В этой связи ключевое

²⁷ Семенников В.П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783. Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 10.

значение приобретает впервые рассмотренный нами и полностью опубликованный в настоящей диссертации (см. Приложение 6) труд Муравьева «Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога Саксонского» (ОПИ ГИМ), созданный им, вероятно, в 1768-1770 г. Этот труд, как мы пытаемся показать, представляет с собой перевод, выполненный с одного из французских издания биографии Эрнста Саксонского, написанной Антуаном Тессье. В число мотиваций Муравьева входило стремление откликнуться на современные ему политические процессы в России, синхронизированные с литературными: издание «Наказа», начало работы «Уложенной комиссии» сопровождалось формированием широкого поля русской литературной журналистики. Соответствующим образом, параллели между Эрнестом и Екатериной II не только не могли бы никого удивить, но и оказывались в высшей степени уместными. В частности, это относилось к теме образования и просвещения (их значение Муравьев подчеркивал вслед за Ломоносовым), а также к теме принципов формирования политической и культурной элиты (меритократия). Мы полагаем, что Муравьев учитывал и интерес Екатерины II и части ее Двора к роману Мармонтеля «Велизарий», по многим отношениям перекликавшийся с книгой Тессье об Эрнесте.

Это позволяет интерпретировать перевод как технологию культурной педагогики, характерную для просветительской монархии. При этом перевод сохраняет эстетическую автономию: он не сводится исключительно и только к дидактике, а задает формы чувствования и художественной убедительности.

Особое место в творческом наследии Муравьева занимают его переводы из древних и новых авторов. Данный материал должен обсуждаться во всей его полноте и многообразии: здесь представлены поэзия и проза, лирика (оды) и лиро-эпика (басни), «высокие» жанры (поэмы) и «низкие» (эпиграммы). Муравьевский образ Античности прихотливо соотносился с его пониманием особенностей истории русской литературной

культуры: условием развития последней оказывалась ее готовность и способность творчески адаптировать наследие европейской Древности. Муравьев переводил из Анакреона, Бабрия, Гомера, Горация (в особенности), Вергилия, Каллимаха, Катулла, Лукана, Лукреция, Марциала, Овидия (видимо, для Муравьева второй по значению древний поэт после Горация), Федра (мы публикуем около 30 не печатавшихся ранее переводов Муравьева разной степени завершенности).

Переводы Муравьева из древних авторов в полной мере очерчивают границы и возможности его «классицизма», что эти переводы свидетельствуют не только о попытках Муравьева учиться у древних, но и о его стремлении творить в заданной ими великой культурной парадигме, непреходящее значение которой он, конечно, никогда не ставил под сомнение: даже испытывая ее возможности, он не собирался от нее отказываться. Далеко не всегда разумно настаивать на существовании четкой границы между стилем переводов и переложений Муравьева и его оригинальных сочинений. Более того, вопрос о его оригинальности может быть поставлен только условно: речь идет о сочинителе, в литературном сознании которого древние поэты постоянно присутствовали и постоянно же перекликались с новыми, а эти новые в свою очередь «оглядывались» на древних, и по отношению к этим «оглядкам» Муравьеву также нужно было самоопределиться. Итак, его собственные литературно-эстетические поиски осуществлялись «по старой канве», а их содержанием становилось усвоение оптимальных или по крайней мере возможных форм подключения к традиции.

Поэты Нового времени всегда воспринимались Муравьевым на фоне Древности; в их литературной деятельности спектр возможностей собственного творческого самоопределения. Из итальянских поэтов внимание Муравьева привлекли Тассо, Триссино, де ла Каз, Метастазιο, из немецких – Гагедорн, Э. фон Клейст, Брентшен, Брокес, К.М. Виланд, А. фон Галлер, Кельгрэн, Уц, П. Флеминг, И.Э. Шлегель, из английских – Мильтон,

Томсон, Поуп, Шеридан, Шекспир, из испанских – Кеведо. На первом плане всегда оставалась французская литература, в т.ч. Буало (соотносимый и совместимый с Горацием), Корнель, Расин (мы приводим переведенное Муравьевым начало «Федры»), Вольтер, а также Малерб и Ж.Б. Руссо. Связь Муравьева с традицией классической европейской поэзии осталась непоколебленной до конца его жизни, а авторитет Буало, которого Муравьев много и постоянно переводит, – незыблемым.

В муравьевских переводах из Буало преобладает эпиграмма — жанр, переживавший в XVII–XVIII вв. период расцвета. Обращение к литературной «мелочи», рассчитанной одновременно на тонкий вкус, светское остроумие и эрудицию. В этом отношении наиболее показательна «Эпиграмма против абб.:<ата> Котеня». Буало, как известно, высмеивал аббата Ш. Котена не только в данной эпиграмме, но и в «Поэтическом искусстве». Мольер же вывел его в образе поэта Трисотена в «Ученых женщинах». Выбор для перевода именно данной эпиграммы свидетельствует о понимании ее значения в истории «французского классицизма», а вместе с тем и о его восприятии как сохраняющего актуальность.

В сущности, Муравьев создает своего рода многоязыковую и многожанровую «энциклопедию» европейской литературной культуры, единство которой обеспечивается ее «классицизмом», отказ от которого был бы равнозначен ее рассыпанию или во всяком случае необратимой деградации. Муравьев знает, что высшая образованность подразумевает способность светского человека, далекого от «педантизма», но не желающего прослыть невеждой, способность к свободному взаимодействию с пространством европейской культуры хотя бы на минимально допустимом уровне. Из этого вытекает необходимость погружения в это пространство, его изучения и развитие способности понимания его высших достижений, что за пределами «классицизма» невозможно. По этой причине переводы мыслятся Муравьевым не как более или менее необязательное «дополнение»

к собственному оригинальному творчеству, а как его фундамент, незыблемое основание или даже просто как его важнейшая часть.

Перевод в екатерининскую эпоху являлся практикой социального различия: владение языками и способность работать с каноном маркируют принадлежность к образованной элите. Муравьев выстраивает свою позицию через многозначный жест: перевод – это и служение культуре, и демонстрация компетентности, и средство включения в «правильные» сети. Письма и рукописные материалы фиксировали эту многослойность: обмен книгами, просьбы о литературном совете, чтение и обсуждение переводов в кругу «старших».

Итак, Муравьев осваивал перевод как форму культурного посредничества, где эстетическое (внутренняя школа письма) и институциональное (участие в проекте канонизации) образуют единый механизм. Эта модель важна для более общего понимания перевода в XVIII веке: перевод не вторичен, напротив, он формирует и литературную норму, и культурную иерархию.

Третья глава **«Муравьев и русский театр екатерининской эпохи»** посвящена изучению драматургии Муравьева, которая возникла на пересечении европейских и русских влияний возникает драматургия Муравьева. В *первом параграфе* рассматриваются сохранившийся фрагмент его трагедии «Федра» и полный текст трагедии «Дидона», опубликованные нами по рукописям, которые хранятся ОР РНБ (Приложения 7 и 8). Муравьев, создавая свою «Дидону», полемизировал с целым рядом европейских авторов, среди которых центральное место занимали Ж.Ж. Лефран де Помпиньян, который написал свою «Дидону» в 1734 г., и Я.Б. Княжнин, который, создавая одноименную пьесу предположительно в 1769 г., ориентировался на Лефрана. Если французский писатель критиковал Вергилия, не понимал его «естественности», как полагал Муравьев, и пытался предложить новые принципы построения персонажей в драме, то Муравьев, напротив, боготворил автора «Энеиды» и хотел вернуться к

античному оригиналу. При этом молодой поэт мог опираться на сочинения Расина и критические статьи Вольтера, который на протяжении нескольких десятилетий высмеивал Лефрана и его произведения. Один из ключевых текстов Вольтера, посвященных этой проблеме, – «Le Russe à Paris» (1760), в котором он противопоставил Лефрану М.В. Ломоносова, который, в свою очередь, был одним из главных литературных образцов для Муравьева. Таким образом, в данном разделе выдвигается гипотеза, что Муравьев, создавая свою «Дидону», оказывался в гуще актуальных литературных споров: отвергая линию «Лефран – Княжнин – Сумароков», ориентировался на линию «Вергилий – Расин – Вольтер – Ломоносов», претендуя на роль посредника между европейской и русской культурами.

Но драматургия Муравьева не в последнюю очередь была связана и с вкусами Екатерининского Двора, и с культурным проектом русской императрицы. Так, впервые публикуемая (см. Приложение 9) комедия Муравьева «Выигранная тяжба», которой посвящен *второй параграф* данной главы, ориентирована на особое понимание тесной связи театра и журналистики, заданное Екатериной II: они равно злободневны и в равной мере устремлены к решению задачи создания новой салонной культуры нового для России галантного типа. Театр в екатерининскую эпоху – институт публичной морали и сцена символической политики: через репертуар и сценические формы транслировались нормы поведения, модели чувствования, образцы гражданской добродетели и лояльности. Адаптация драматургии («переложение на наши нравы») понимается нами как культурная технология: она предполагает учет социальных сценариев, культурных ожиданий аудитории, моральных и политических конвенций. В этой логике перевод и театр оказываются двумя сторонами одного явления – институционализированного культурного перевода. При этом споры о «национальном» содержании русского театра, затронувшие, в частности, Сумарокова, вполне совместимы с требованием оперативного отклика на актуальные сюжеты театра западноевропейского, мыслились главным

образом как способ оформить единое русско-европейское смысловое пространство: манифестация «русского», «национального» для Екатерины II имела смысл только в широко понимаемом европейском контексте. Муравьев хорошо понимал это: действующие лица и тематика его комедии – проворовавшийся судья, ханжа, изобретательный слуга, жадность, невежество, глупость – были хорошо знакомы читателям 1760–1770 гг. и восходят к французской драматургии XVII–XVIII вв.; вместе с тем муравьевский Новосветов должен был предстать перед зрителями как русский европеец, а его образ целенаправленно вписывался и общий контекст русской комедиографии конца 1760–1770 гг., и в контекст нравоописательной журналистики этого времени. Муравьев обсуждает те же вопросы, что и «Всякая всячина» и комедии Екатерины II: в центре его внимания – дворянин, оказавшийся в мире дикости и невежества, но сумевший одержать победу над злом, поскольку зло оказалось жертвой собственных расчетов, не затронувших героя нового типа.

Драматургические опыты Муравьева включены в его диалог с авторитетными авторами эпохи и в попытку сформировать «линию преемственности» от античности и французской трагедии к русской сцене. Театральная работа становится инструментом самоописания: поэт демонстрирует принадлежность к европейскому канону и одновременно заявляет о возможности отечественной модернизации репертуара. Так театральные практики Муравьева фиксируют пересечение эстетической и институциональной логики екатерининской культуры. Муравьев использовал драматургию для участия в «публичной педагогике», а через перевод и адаптацию – в формировании культурного канона эпохи.

Четвертая глава **«“Русская идея” Екатерины II, Муравьева и Карамзина: история как идеология»**, рассматривая «русскую идею» как продукт культурной политики, обосновала, что исторический дискурс в эпоху Екатерины II функционирует в качестве идеологического инструмента. История превращается в язык легитимации, в педагогический ресурс и в

средство позиционирования России в европейском культурном пространстве. В диссертации показано, что этот дискурс создается на пересечении литературы, филологии и административной культуры: исторический текст не просто сообщает факты, но формирует нормативные модели.

В.М. Живов назвал Н.М. Карамзина одним из «отцов русского национализма» и высказал предположение, что, в частности, к его трудам восходит знаменитая формула «православие – самодержавие – народность»: обеспечивающими целостность нации чертами оказываются любовь к вере отцов и верность монархическому принципу, то есть, говоря в терминах уваровской триады, православие и самодержавие, которые и составляют содержание народности²⁸. При этом исследователь связал эту идеологию с текстами Ж.-Ж. Руссо: «сентиментализм Карамзина напрямую связан с Руссо, и именно Руссо формулирует доктрину национального суверенитета и тем самым в определенном смысле стоит у истоков французского национализма»²⁹. Более того, он подчеркивал, что «национальная легитимация – это результат кризиса просвещенческих идей»³⁰.

Как представляется, данная схема может быть пересмотрена. Во-первых, если продолжать поиски истоков уваровской триады³¹, то необходимо значительно расширить хронологические рамки: основные положения карамзинской исторической концепции, в частности идея «православие – самодержавие – народность», восходят к трудам М.Н. Муравьева, который воспринимается обычно как один из наиболее значимых предшественников Карамзина, и Екатерины II. При этом речь идет и о целом ряде частных пересечений – вплоть до использования одних и тех же формул для интерпретации тех или иных исторических сюжетов.

²⁸ Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 134; см. также: Летников Э.Д. Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 72–86.

²⁹ Там же. С. 114

³⁰ Там же. С. 115.

³¹ Об этом см., в частности: Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 337–374.

Следовательно, придется выбрать одно из двух: либо «национализм» в России начал формироваться в 1760-е гг., либо Карамзин с ним не связан или по крайней мере связан не только с ним. С нашей точки зрения, «История государства Российского» должна быть рассмотрена в контексте имперского, а не националистического дискурса. Кроме того, столь жесткая «спайка» Карамзина с Руссо скрывает иные, альтернативные контексты, которые, как представляется, были для Карамзина не менее, а возможно, и более значимыми. В первую очередь, мы имеем в виду, конечно, Вольтера. Прославленный писатель, историк, собеседник просвещенных монархов – все эти роли были для Карамзина исключительно актуальными. Поэтому в данном контексте, как кажется, преждевременно говорить не только об отказе Карамзина от «просвещенческой парадигмы», но и о том, что он воспринимал ее состояние как «кризисное».

Напротив, именно идеи, восходящие к «просветителям», были центральными и для Екатерины II, и для Муравьева, и для Карамзина. «Монархический проект» базировался на идее «внешнего воздействия» на человека, погрязшего в заблуждениях и пороках. Наиболее последовательно и полно эта идеология была реализована в русских литературных журналах 1760–1770-х гг., и особенно в екатерининской «Всякой всячине». Человек без правильного воспитания – «животное», которому нет места в обществе, а его жизнь – это путь развития, а самодержавие – инструмент, обеспечивающий его возможность.

В данном контексте получает смысл и значение языковая концепция Муравьева, в своей основе ориентированная на «этимологические» и «словарные» труды Екатерины II; этой проблематике посвящена пятая глава диссертации **«Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: лингвистика как идеология»**.

В статье «Взгляд на историю писмен» Муравьев утверждал, что вопрос о литературном языке выходит далеко за рамки изящной словесности и прямо характеризует уровень развития государства. Но если «изобретения»

«путешествуют» «по вселенной с одного края на другой», то Россия оказывается «равной» Франции или любой иной державе, ведь все они когда-то получили первичный импульс к культурному развитию, заимствовали что-то у соседей, а значит, не имеют права на сколько-нибудь уникальный статус. очевидно, этот вывод мог экстраполироваться на большую политику, в которой «равноправие» на международной арене открывало перспективы для самой широкой экспансии. Русский язык в этой специфической перспективе оказывался «наследником» финикийского, а следовательно, по определению, должен был признаваться если не более древним, чем современные европейские, то по крайней мере столь же древним. Эта мысль очевидным образом восходила к «имперской этимологии» Екатерины II (об этом см. выше).

Муравьев исходил в своих построениях из классической идеи неразрывной связи *translatio studii* и *translatio imperii*, поэтому история культуры для него – это во многом история империи. В статье «Успехи человеческого разума» он набросал краткий ее очерк. Важнейший этап в развитии западной культуры – экспансия Рима, а падение Империи привело к торжеству варварства, «дикости» и «свирепства», перед нами традиционная картина «темных веков». Возрождение империи и античной культуры произошло в «итальянских областях», важнейший признак ренессанса – «открытие» Вергилия. Соответствующим образом, классическая филологическая эрудиция, с точки зрения Муравьева, – знак принадлежности страны к великой культуре: условно говоря, без Вергилия невозможны ни подлинное развитие, ни сильная империя. однако изучение «писаний» «великих творцов Августова века» требует серьезной подготовки. Поэтому не случайно, полагал Муравьев, что Петр I, создавая Российскую империю, понял, что военные или экономические успехи невозможны без реформы образования. В статье «Воспитание» Муравьев, с одной стороны, связал петровский, а значит и екатерининский, проект с Карлом Великим, а с другой – показал, какой сложный путь прошла Россия от первых училищ и академии

наук до Московского университета, от Миниха до Шувалова. Петр I, как и Карл Великий, старался «об исправлении языка своего». Более того, Россия обязана своей культурой Греции, а значит, претендует на особое место на карте Европы, ей не нужны «посредники» в постижении ключевых культурных смыслов, она их получила напрямую.

Муравьев был уверен в том, что просвещенная империя, выдвигающая идею прогресса культуры, с неизбежностью должна способствовать изучению и развитию национального языка, литературы, культуры в целом, опыт венценосного галломана Фридриха II признается ошибочным. Но осуществлять развитие русский язык и русская культура могут только в абсолютистском государстве и только при покровительстве монарха, обеспечивающего возможность консолидации придворного общества, способного адекватно соотносить «свое» с «чужим», «светское» с «ученым». Адекватность же подобных соотнесений мыслится достижимой лишь на основе понимания того, что культура российской империи наследует Финикии, Греции и империи Карла Великого, а следовательно, она входит в ограниченное число великих держав, которым, по определению, суждено вершить судьбы мира. По этой причине особое значение Муравьев, вслед за Екатериной II придает изучению языков – не только «своих», но и вообще всех: идеология империи требует всей полноты знания о мировой культуре. В данном контексте обретает подлинный смысл работа по созданию «Всеобщего словаря всех языков».

В **Заключении** приводятся результаты исследования, сформулированы основные выводы и перспективы изучения темы.

В **Список литературы** вошли источники и научные исследования.

В девяти **Приложениях** помещены тексты Муравьева, впервые вводимые в научный оборот: 1) письма Муравьева к родным 1776–1803 гг. 2) письма Ф.Н. Муравьевой к Н.А. и М.Н. Муравьевым; 3) письма Муравьева к Д.И. Хвостову; 4) неопубликованные оды и статья-конспект «Перечень рассуждения об оде»; 5) стихи из «Записной книги»; 6) «Жизнь Эрнеста, по

прозванию благочестивого, герцога Саксонского»; 7) Трагедия Муравьева «Федра» (сохранившийся фрагмент); 8) трагедия Муравьева «Дидона» (полный текст); 9) комедия Муравьева «Выигранная тяжба» (полный текст).

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монография:

Ивинский А.Д. Русская литература XVIII в. и культурный проект Екатерины II. М.: «Водолей», 2023. 400 с.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Ивинский А.Д. В.П. Петров и «Великолепная карусель» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4. С. 331–338.
2. Ивинский А.Д. К истории собрания сочинений императрицы Екатерины II: почему не был издан шестой том // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М., 2014. № 1. С. 106–125.
3. Ивинский А.Д. Из истории собрания сочинений Екатерины II: об издании автобиографических записок императрицы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2. С. 205–217.
4. Ивинский А.Д. Екатерина II и «Сравнительные словари всех языков и наречий» // Русская речь. 2016. № 5. С. 75–81.
5. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и А.П. Сумароков (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 2. С. 198–210.
6. Ивинский А.Д. О драматургии М.Н. Муравьева (по материалам ОР РГБ и ОПИ ГИМ) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77, № 3. С. 62–71.
7. Ивинский А.Д. Из эпистолярного наследия М.Н. Муравьева: письма 1778 г. к отцу (по материалам ОПИ ГИМ) // Новое литературное обозрение. 2018. Т. 154. № 6. С. 171–191.

8. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и Буало (по материалам Отдела рукописей РГБ) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 2. С. 33–40.

9. Ивинский А.Д. Екатерина II, Е. Р. Дашкова и маркиза Ферте-Эмбо: о французских контекстах «Общества незнающих ежедневной записки» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 99–107.

10. Ивинский А.Д. О стихотворении М. Н. Муравьева «Живописец» (по материалам ОР РГБ и РО ИРЛИ) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 168–185.

11. Ивинский А.Д. О первом переводе М.Н. Муравьева: Жизнь Эрнеста, герцога Саксонского, по прозванию благочестиваго // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 1. С. 122–134.

12. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: к вопросу о статусе литературного языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 2. С. 30–37.

13. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 2. С. 358–385.

14. Ивинский А.Д. «Фелица» Г.Р. Державина, «Велизарий» Ж.-Ф. Мармонтеля и технология литературного успеха при дворе Екатерины II // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81, № 1. С. 74–81.

15. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и Д.И. Хвостов: проблема успеха при дворе Екатерины II // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2023. Т. 82. № 4. С. 43–54.

16. Ивинский А.Д. Из писем М.Н. Муравьева 1776 г.: А.А. Барсов, В.И. Майков, М.М. Херасков и «Вольное российское собрание» // Литературный факт. 2023. № 2 (28). С. 25–51.

17. Ивинский А.Д. «Всякая всячина», Тредиаковский и «Фенелон» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 72–89.

18. Ивинский А.Д. «Федра» Расина в переводе М.Н. Муравьева (по материалам ОР РНБ) // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 8–31.

19. Ивинский А.Д. О «Новых лирических опытах» М. Н. Муравьева» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 6–29.

20. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев, Я.Б. Княжнин, Вольтер и Лефран де Помпиньян // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 85–95.

21. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев в начале 1780-х гг. (по материалам РО ИРЛИ) // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 52–78.

22. Ивинский А.Д. Екатерина II и А. Н. Радищев: к вопросу о журнальных контекстах «Путешествия из Петербурга в Москву» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 18–37.

Статьи в сборниках и коллективных монографиях:

23. Ивинский А.Д. Екатерина Великая и Фридрих II: к вопросу об источниках «Наказа» // А.М.П. Памяти А.М. Пескова. М.: РГГУ, 2013. С. 127–132.

24. Ивинский А.Д. Державин и русская журналистика 1760-1780-х годов: к вопросу о статусе торжественной оды // Г.Р. Державин и его эпоха. М., 2013. С. 75–85.

25. Ивинский А.Д. Наука жить между людьми: о литературной позиции журнала Всякая всячина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 16: Феофан Прокопович и русская литература. От предклассицизма до предромантизма. Самара: ООО Ас Гард, 2013. С. 207–216.

26. Ивинский А.Д. «Второй Ломоносов» и «великолепная карусель» 1766 г. (из истории формирования литературной репутации В.П. Петрова) // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 7. К 300-летию

М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 61–69.

27. Ивинский А.Д. Екатерина II и Д.И. Фонвизин: о литературных контекстах «Вопросов и ответов» // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: Культурное наследие и современность. М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2014. С. 48–58.

28. Ивинский А.Д. О французских контекстах журнала «Полезное с приятным» // XVIII век. Вып. 9: Топосы и пейзажи. СПб.: Алетейя, 2014. С. 348–360.

29. Ивинский А.Д. К вопросу о статусе русской торжественной оды в 1760–1780-х годов // Е.Р. Дашкова и русская культура: От эпохи Просвещения к современности. М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2014. С. 150–158.

30. Ивинский А.Д. Екатерина II, Мария Терезия и «Великолепная карусель» // *Poetik des Alltags. Russische Literatur im 18-21 Jahrhundert*. Munchen: Herbert Utz Verlag, 2014. С. 11–19.

31. Ивинский А.Д. Люди, животные и проблема воспитания в русской журналистике 1760-х гг. // Бестиарный код культуры. М.: Intrada, 2015. С. 131–137.

32. Ивинский А.Д. Фонвизин и русская журналистика 1760–1770-х гг.: к вопросу о контекстах «Недоросля» // XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох. СПб.: Алетейя, 2016. С. 323–332.

33. Ивинский А.Д. К вопросу о литературной позиции журнала «Трутень» Н.И. Новикова // Е.Р. Дашкова и ее время в культурном пространстве России и Европы: сборник научных статей. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2016. С. 148–158.

34. Ивинский А.Д. Екатерина II и «славянская идея» // Е.Р. Дашкова и развитие культуры в эпоху Просвещения. М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашкова, 2016. С. 6–23.

35. Ивинский А.Д. Екатерина II в «Истории русской литературы» К. Валишевского // *Nauka w Polsce i Rosji — miejsca wspólne, miejsca różne* (obszar humanistyki). Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2016. Т. 23. С. 169–178.
36. Ивинский А.Д. О комедиях Екатерины II и А.П. Сумарокова // *Mikolaj Karamzin I jego czasy* Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. Т. 24 С. 331–341.
37. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев в письмах к отцу 1778–1779 гг. (По материалам ОПИ ГИМ) // *Карамзин и его эпоха*. М.: Институт российской истории РАН, 2017. С. 173–181.
38. Ивинский А.Д. «...мы не любим меланхоличных писем»: к вопросу о полемике Екатерины II и Н.И. Новикова в 1760–1770 гг. // *Бестиарий и чувства*. М.: Intrada, 2017. Т. 5 С. 174–182.
39. Ивинский А.Д. Частная переписка XVIII в.: письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным // *Екатерина II и княгиня Дашкова: взгляд из XXI века*. М.: Ленанд, 2018. С. 352–369.
40. Ивинский А.Д. Поэтическое наследие М.Н. Муравьева: к истории текста ранних стихотворений. По материалам ОР РГБ // *От истории текста к истории литературы*. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 2. С. 9–51.
41. Ивинский А.Д. Литературная жизнь 1770-х гг. в письмах М.Н. Муравьева (по материалам ОПИ ГИМ) // *Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность*. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 124–154.
42. Ивинский А.Д. Круг чтения М.Н. Муравьева в 1770–1790 годах (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // *Вольтеровские чтения. Сборник научных трудов*. СПб.: РНБ, 2019. Т. 5. С. 235–257.
43. Ивинский А.Д. Журнал Екатерины II «Всякая всячина» и Энциклопедия Дидро и Д’Аламбера // *Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность*. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 155–180.

44. Ивинский А.Д. Муравьев как римлянин: к вопросу о литературной позиции писателя (по материалам писем к отцу и сестре) // *AvtobiografiЯ: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa* (Padova, Italia). 2021. Т. 10. С. 81–100.

45. Ивинский А.Д. Екатерина II и Б. Грасиан: о контекстах Всякой всячины // *XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохи*. СПб: Алетейя, 2021. С. 90–104.

46. Ивинский А.Д. Письма М.Н. Муравьева к С.М. и Ф.Н. Луниным 1791 г. (По материалам ОПИ ГИМ) // *Документально-художественная литература в России XVIII–XIX вв.* М.: ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2022. С. 130–172.

47. Ивинский А.Д. Переводы М.Н. Муравьева из античных авторов (по материалам ОР РГБ) // *Документально-художественная литература в России XVIII–XIX вв.* М.: ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2022. С. 83–129.

48. Ивинский А.Д. *Shaping One's Self in Letters: Mikhail N. Murav'ev as an honnête homme of the Catherinian Period* // *Russia, Europe and the World in the Long Eighteenth-Century. Proceedings of the Xth International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*. Strasbourg, 2023. P. 139–148.

49. Ивинский А.Д. Письма М.Н. Муравьева к Н.А. и Ф.Н. Муравьевым 1776 г. (по материалам ОПИ ГИМ) // *Православие. Наука. Культура. К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 104–297.

50. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев в письмах к отцу и сестре 1778–1779 гг. // *Екатерина II и русская литература*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 172–267.

51. Ivinskiy A. Catherine II's Works Translated into Russian // *An Empire of Words. Translations of Catherine II's Writings. An International Bibliography*. Antwerp, Benerus, 2025, p. 125–166.

52. Ивинский А.Д. Трагедия М.Н. Муравьева «Дидона»: опыт комментария // *Мультилингвизм и обратный перевод*. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 379–453.